Основная часть книги Х. Шедер («Возникновение учения о Третьем Риме») состоит из трех разделов. В первом разделе идет речь о появлении теории «вечного города» в Болгарии XIV в.; во втором разделе автор исследует «зарождение национального самосознания в России» после падения Византийской империи (сочинения о Флорентийской унии 1439 г. и о взятии Константинополя турками 1453 г.); в третьем разделе описывается политическая обстановка конца XV—начала XVI в. (брак с Софией Палеолог, политические претензии московских государей), подчеркивается роль «школы Пафнутия Боровского» (Иосиф Волоцкий и др.) в создании «русского царства» и разбираются такие идеологические памятники, как Хронограф 1512 г., послания Филофея, легенды о происхождении русских государей и т. д. Уже этот план работы Х. Шедер свидетельствует о теснейшей зависимости всей ее концепции от построений Дьяконова и Малинина. Можно назвать лишь несколько случаев, когда автор отступает от этой схемы. В отличие от Малинина Х. Шедер не склонна датировать «Повесть о Вавилоне» и «Сказание о князьях Владимирских» (как и «Повесть о белом клобуке») 90-ми годами XV в. (90—111); она не считает эти памятники источниками теории «Москвы — третьего Рима» и говорит о них после изложения послания Филофея (так, впрочем, делал и М. Дьяконов в своей книге). Резко критически отнеслась Х. Шедер и к предположению А. Шахматова (высказанному уже после написания книги Малинина) о принадлежности Филофею Хронографа 1512 г. (77—81). Однако эти отдельные уточнения к построениям ее предшественников никак не повлияли на общее построение работы Х. Шедер. В самом выборе разбираемых ею памятников, в оценке исторических предпосылок их возникновения Х. Шедер твердо держится установившихся в дореволюционной и иностранной науке традиций. Характерно, что и кончается книга модным в иностранной литературе вопросом: «исчез ли после 1900 года старый дух пятнадцатого столетия?» (171).

Неоригинальность основных построений Х. Шедер в какой-то степени объясняется тем, что ей приходится вести свое исследование в отрыве от рукописной традиции тех памятников, которые она изучает. Однако эта вполне естественная трудность, знакомая любому автору, работающему над иностранным материалом, должна была побуждать Х. Шедер к сугубо внимательному ознакомлению со специальной русской филологической литературой, особенно с литературой последних лет. Но здесь и обнаруживается главный недостаток книги Х. Шедер. Советская филологическая литература совершенно не использована автором: переиздав в 1957 г. свою книгу, Х. Шедер добавила к списку литературы «важнейшую литературу после 1929 г.», в том числе некоторые (далеко не все) советские работы по интересующему ее вопросу (195—197), но на основной текст книги это добавление никак не повлияло: второе издание книги, как указывает автор (VI—VII), ничем не отличается от первого (прибавлены только в приложениях переводы трех посланий Филофея).

А между тем именно за последние годы в советской научной литературе появился целый ряд работ, посвященных тем самым памятникам, изучением которых занимается Х. Шедер. Работы эти, построенные в значительной степени на новом рукописном материале, позволяют внести серьезнейшие изменения в выводы предшествующих исследователей. Ознакомление с этими работами показало бы Х. Шедер, что даже в тех случаях, когда выводы ее сходятся с выводами советских авторов, аргументация этих исследователей оказывается иной и значительно более основательной, чем ее аргументация. Так, например, «Сказание о князьях Владимирских», занимающее значительное место в работе Х. Шедер, было